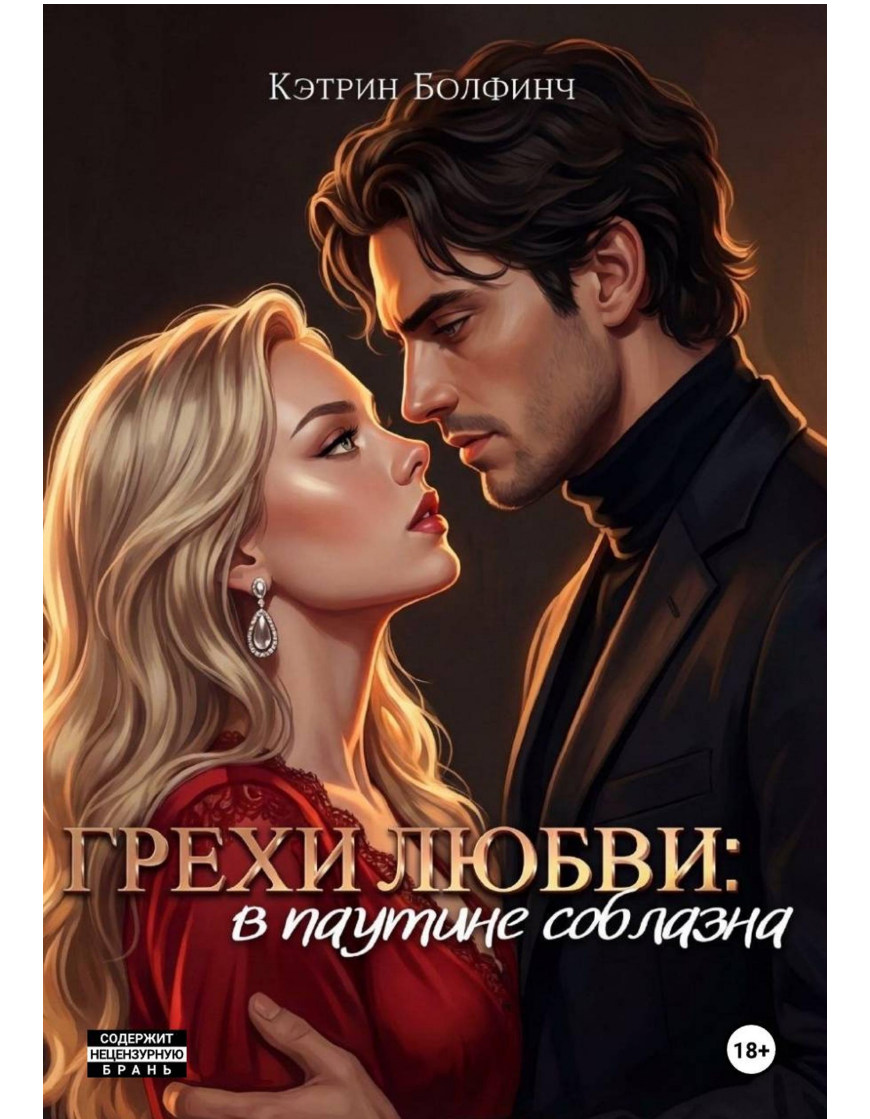

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a woman in a romantic, intimate pose. The woman, on the left, has long, wavy blonde hair and is wearing a red dress with lace detailing and large, ornate earrings. She is looking up at the man. The man, on the right, has dark, wavy hair and is wearing a dark suit jacket over a high-collared shirt. He is looking down at the woman. The lighting is warm and dramatic, highlighting their faces and the texture of their clothing.

КЭТРИН БОЛФИНЧ

ГРЕХИ ЛЮБВИ:

в паутине соблазна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэтрин Болфинч
Грехи любви: в
паутине соблазна
Серия «Грехи любви», книга 1

*<https://litres.ru/73899549>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Энзо Моретти никогда не верил в любовь. Но все поменялось, когда он приехал в Нью-Йорк, чтобы заключить договор с русской мафией.

Она дочь его партнера. Она младше его на одиннадцать лет. Эмили Лисовски - красива, как непорочный ангел. Хитра, как змей-искуситель. И абсолютно точно под запретом. Но что, если чувства возьмут верх? Смогут ли они преодолеть все, если на пути так много препятствий?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Энзо	7
Глава 2. Эмили	22
Глава 3. Энзо	38
Глава 4. Эмили	58
Глава 5. Энзо	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Кэтрин Болфинч

Грехи любви: в паутине соблазна

Тот, кто умеет ждать, получает лучшее.

*Говоришь, что грязь не видна при тебе?
Мы хотим ее видеть!*

*Ты слышишь?
Пора
знать,
в каких она притаилась углах,
в искаженные лица врагов взглянуть,
чтобы руки скрутить им!
Чтоб шеи свернуть!¹*

¹ Начало стихотворения «Утро» Роберта Рождественского

Пролог

Этой ночью снег летел в окно.

Этим утром снег идти не перестал...²

Той ночью шел снег. Первый в этом году. Нью-Йорк накрыла самая настоящая зимняя сказка. То, что нужно для начала декабря. Вот только я проклинал каждую снежинку, падающую с неба; проклинал сотовые вышки и телефоны; и проклинал самого себя.

Снег — единственное рождественское чудо, которое нам позволили.

Той ночью время сошло с ума. Казалось, оно замедлилось, но вместе с тем секундная стрелка бежала так быстро, словно хотела стать спидометром на гоночном автомобиле. И мое сердце вторило этой спешке. Оно хотело выпрыгнуть из груди и побежать быстрее машины, газ которой я выжимал в пол.

Именно тогда я понял, что такое настоящий страх за кого-то. Именно тогда я понял, что это такое — бояться потерять смысл жизни, а не саму жизнь. Я был уверен, что умереть еще не самое страшное, что может случиться с челове-

² Стихотворение Роберта Рождественского «Снег»

ком. Но, возможно, именно смерть со мной и случилась...

Глава 1. Энзо

Вы верите в любовь с первого взгляда? Верите в то, что где-то по земле ходит человек, предназначенный для вас? Ваша родственная душа?

Я никогда не верил в чувства и никогда не понимал, почему ради любви люди рискуют жизнью и выходят из окон из-за невзаимности или измен. Они казались мне глупцами.

Разве любовь — не просто химическая реакция?

Хотя сестрица утверждала, что я еще не встретил ту самую. Это каждый раз заставляло смеяться. Ни одна девушка не задерживалась в моей жизни надолго. Я был уверен, что во всем мире не найдется ни одной особы, ради которой я бы забыл обо всем. Впрочем, мне было плевать.

И мне было плевать, когда я встретил ее месяц назад. Она походила на ангела: светлые волосы до плеч, зеленые глаза и бледная кожа, которую еще не успело тронуть сицилийское солнце.

Впервые я увидел ее на пляже в крошечном белом бикини, который почти сливался с молочной кожей. Я тогда даже остановился, пытаюсь разглядеть худенькую фигурку получше, пока меня не подтолкнул в спину один из моих людей. Потом мы встретились на ужине в честь удачной сделки. Она пожала мою руку, затем поправила тонкую бретельку, а я тяжело сглотнул, пытаюсь вытеснить из головы извращен-

ные образы и напоминая себе о том, что она на одиннадцать гребанных лет моложе. И она дочь моего партнера. Под за-
претом. Тем вечером мне пришлось очень грубо обойтись с
одной знакомой.

Эмили Лисовски приехала летом в Палермо с родителями
на несколько недель.

Ее отец был одним из наших поставщиков *элитного* ал-
коголя. Александр держал магазины почти во всех штатах
Америки и занимался поставками для отелей. И пусть я мог
бы найти кучу людей поближе и подешевле, мне был необ-
ходим мир с русскими семьями в Нью-Йорке.

О русской мафии слагали легенды. Признаться честно, я
даже об итальянцах не слышал столько историй, как о рус-
ских. Их боялись все. Именно поэтому Александр Лисовски
должен был стать моим партнером, а не врагом. И деньги
легко решали такие вопросы. Именно поэтому я приехал в
Нью-Йорк и сейчас находился на презентации какого-то до-
рогого пойла ее отца.

— На кого ты пялишься? — едкий голос разрушил сла-
достные фантазии, я кашлянул и перевел взгляд на невысо-
кую девушку рядом со мной. Мин-Юнь смотрела на меня
глубокими черными глазами, в которых, казалось, застыла
сама смерть. Я едва не усмехнулся из-за своего сравнения.

Мин-Юнь в переводе с китайского означает «судьба», что
довольно иронично, учитывая то, что обладательница такого
имени была наемницей и профессиональной воровкой дра-

гоценностей и антиквариата.

— Осматриваю присутствующих, — сухо отозвался я, не желая признаваться ей в том, что глазел на собственный запретный плод. Теперь я понимал, почему людей согнали с небес на землю. Иногда соблазн слишком велик.

Мин-Юнь фыркнула и поспешила утопить эмоции в бокале шампанского. Иногда она казалась мне слишком внимательной. Такие люди обычно становились врагами, если не держать их около себя. Проблема заключалась в том, что у кого-то всегда найдется кошелек потолще моего, и тогда она упорхнет, ударив напоследок посильнее. И не просто полоснет ножом, а вонзит лезвие в само сердце.

Я стиснул бокал в пальцах сильнее, отпил виски, разлившееся теплом по горлу, и отвернулся. Глупо разглядывать девчонку, с которой ни разу нормально не разговаривал.

Мин-Юнь со стуком поставила шампанское на высокий столик, сложила руки на груди и уставилась на меня так, будто я разом убил всю ее семью. Впрочем, не очень удачное сравнение, ее воспитывала бабушка, а потом отправила в Россию. Я смотрел в ответ, разглядывая тонкие черные брови, короткие волосы до плеч, аккуратные губы, которые иногда мне приходилось целовать; черное атласное платье соблазнительно обтягивало бедра и грудь, но отчего-то этот вид не заводил так, как раньше. Хотя она, конечно, все еще оставалась сногшибательной.

Наконец взгляд нашел черные глаза.

— Зачем ты приехала сюда? — вдруг спросил я. Мы никогда не притворялись, не требовали друг от друга романтики и прочей хрени, потому что знали, что в любой момент все может прекратиться.

— У тебя проблемы с памятью? — скривила губы Мин-Юнь. — Ты сам позвал меня.

— Я про Нью-Йорк.

— Вообще-то я здесь живу.

Я удивленно вскинул брови и осушил стакан с виски полностью. В последний раз, когда мы виделись, она жила в Чикаго.

— Как давно?

Мин-Юнь тихо рассмеялась, явно наслаждаясь моим замешательством. Примерно так и выглядели наши «близкие» отношения.

— Не переживай, всего несколько недель, — она похлопала меня по плечу, игриво провела ладонью до предплечья и заглянула в глаза. — Кто знает, вдруг однажды здесь станет так плохо, что я окажусь в Палермо?

Я тяжело сглотнул, представляя ее переезд в Италию. Гадство. Мне ведь только не хватало наемницы под боком.

— Я пошутила, Энзо, расслабься.

— А я уж подумал, что ты втрескалась в меня.

— Не льсти себе, придурок, — фыркнула девушка. — Если бы я и позволила себе чувства, то точно бы не выбрала человека, на которого мне может прийти заказ. Ничего лич-

ного, просто бизнес.

Мне хотелось ответить что-то язвительное, что-то из разряда «любовь зла» и прочее, но она была права. Может быть, поэтому я и был закоренелым холостяком.

Девушка весело взглянула на меня, и я уже собирался что-то сказать, но не успел. У судьбы всегда присутствовало отменное чувство юмора. Прямо перед нами возник Александр — хозяин приема, его жена и... Эмили. Чертов ангел, посылающий порочные мысли. Змей-искуситель?

— Энзо, рад, что ты смог приехать, — протянул крепкую руку мужчина. Я пожал ее, широко улыбнулся, будто пять секунд назад не представлял, как стаскиваю с его дочери невинное розовое платьице.

— Разве я мог пропустить такое шоу? Теперь жду дегустиацию... И дружескую экскурсию на производство, — подмигнул я. Александр коротко рассмеялся, и только тогда я позволил себе взглянуть на его жену, кажется, ее звали Надежда.

— С каждым разом вы все краше, — женщина в ответ кротко улыбнулась и кивнула, я вернул внимание на Александра.

Я уже говорил, что судьба хорошо шутит?

— Вы забыли об еще одном члене семьи, мистер Моретти, — раздался высокий, надменный голос, который совсем не вязался с внешностью. Я едва подавил смешок. Искушение в самом настоящем его проявлении.

Я повернулся к Эмили.

Девушка мило улыбалась, хотя прищур зеленых глаз выдавал истинные намерения. Это вызов. Самый настоящий вызов. Приглашение вступить в игру. А вот кости это будут или метание ножей — покажет время.

— Точно! — я театрально ударил себя по лбу. — Амелия, верно? — конечно, я знал, как ее зовут. Но, черт возьми, как приятно было увидеть на ее лице удивление, перемешанное с раздражением из-за того, что все пошло не так, как она хотела. Я почти испытал удовлетворение.

— Эмили, — поправила она, взяв себя в руки, и еще раз улыбнулась.

— Извините мне мою память.

— В вашем возрасте, наверное, это нормально, — пожала плечами Эмили, а я едва не присвистнул от наслаждения.

— Эмили! — грозно фыркнул Александр, девушка вздрогнула и покраснела, метнув взгляд на отца.

— Извините, — ее зеленые глаза нашли мои. В них не было ни капли раскаяния. Точно змей-искуситель.

— Все в порядке, один-один, да? — хмыкнул я, сунув руки в карманы брюк. Эмили прикусила губу, совершенно невинно поправила декольте и усмехнулась, увидев, что я уловил это движение. Я был почти уверен, что мои блядские глаза загорелись от восторга.

— Презентация производства будет в следующую пятницу, надеюсь на еще один выгодный контракт с тобой, —

вклинился Александр.

Черт, а я и забыл, что здесь есть кто-то еще.

— Отлично, моя сестра будет счастлива увидеть процесс изнутри. Она как-то думала о том, чтобы заняться виноделием.

— А кстати, где она? — как бы невзначай спросил Александр, я неопределенно махнул рукой в сторону:

— Где-то здесь.

— Мы тебя оставим, нужно обойти гостей, — Александр натянуто улыбнулся, а меня едва не затошнило от напускной вежливости. Черт бы побрал эту светскую жизнь. Хотя именно из нее и состояла моя рутина.

Мин-Юнь тут же повернулась ко мне, сжав губы в тонкую линию.

— А говорила, что не запала на меня, — фыркнул я, прокрутив перстень на мизинце.

— Я ничего не спросила, а ты начал оправдываться. Может быть, ты и правда старшеешь? — ее тонкая бровь вопросительно взметнулась вверх, и я отмахнулся от девушки. Она задавала слишком неудобные вопросы.

К счастью, Мин-Юнь замолчала, а после вообще присоединились к группе людей, обсуждающих какие-то экологические проекты. Мне было плевать на экологию. Да и на мир в целом. Куда важнее был мир внутри семьи и с другими кланами. Это все, что меня волновало после смерти отца.

Я взял новый бокал с виски. В другом конце зала, как на-

зло, мелькнула Эмили под руку с каким-то высоким придурком. Он по-свойски уронил ладонь на ее бедро, придвинул ближе к себе, а затем, склонившись, собственнически поцеловал, сунув язык в ее рот. Она подалась ближе, приподнявшись на носочки.

Еще одна причина держаться от нее подальше.

Никогда не замечал за собой пристрастия к подглядываниям, но в этот раз почему-то не мог оторваться от наблюдения за тем, как он сжимал тонкое розовое платье за заднице — еще немного, и особо любопытным стало бы видно ее белье. Среди этих любопытных находился и я. Но вот парень отстранился, Эмили поправила одежду, отодвинулась от него. И вдруг повернулась в мою сторону. На ее губы легла легкая усмешка, и Эмили средним пальцем поправила смазанную после поцелуя помаду.

Я спешно отвернулся. Черт возьми.

По крайней мере, теперь я знал, что не гребанный извращенец. Хотя, может быть, именно таким она меня и считала.

Скорее бы уехать обратно. Или, для начала, убраться с этого вечера в квартиру. Мне совсем не нравилось чувствовать себя идиотом. И извращенцем тоже. Все девушки, с которыми я проводил время в постели, обычно *тоже* изнывали от возбуждения.

Но к сожалению, мое желание исчезнуть сбылось только через несколько часов. Невыносимых часов, когда приходилось слушать скучные разговоры, кивать в такт разговорам

между политиками и бизнесменами, улыбаться на вопросы об отдыхе в Италии и добродушно звать всех на Сицилию. Я надеялся, что завтра они забудут про мое вежливое приглашение, потому что на самом деле приглашал их сходить к черту.

Выдохнуть удалось только в машине. Мин-Юнь сидела рядом, разглядывая нью-йоркские улицы, погруженные во мрак. Она казалась слишком молчаливой, а мне не хотелось вести светский разговор еще и с ней. Да и мы никогда не копались друг у друга в душах, как чертовы психотерапевты. И Мин-Юнь, и я принадлежали к тому типу людей, которым проще переживать эмоции внутри себя. А то и вовсе забывать на них. Ничто не делает человека слабее, чем эмоции, не взятые под контроль. Хотя, может быть, из-за этого на нас и сыпалось столько проблем.

В тишине салона каждый вдох казался оглушительно громким. Хотелось закурить, но почему-то я не находил в себе сил протянуть руку к внутреннему карману пиджака. От костюма, кстати, невыносимо хотелось избавиться. Но я просто смотрел в окно и прокручивал в голове прошедший вечер.

Что, если я зря влез в русскую мафию? Что, если Мин-Юнь перейдет на противоположную сторону? И, что, если ее слова окажутся правдой, и однажды судьба постучится в мою дверь под руку со смертью?

Но ведь это будет когда-то в будущем, верно?

Я повернулся к девушке. Она, услышав шорох, устало посмотрела на меня.

— Не хочешь подняться ко мне? — после долгой тишины мой вопрос походил на выстрел в голову. Мин-Юнь долго вглядывалась в мое лицо, хмуря брови и кусая тонкие губы. Сейчас она казалась чертовски маленькой и хрупкой — никто не заподозрил бы в ней наемницу и вора. Она всегда хорошо маскировалась.

— Почему бы и нет? — вдруг проговорила она и потянулась вперед, неуверенно касаясь моих губ. Мне нравилось то, что ее никогда не нужно было спрашивать дважды. Я прошелся по ее нижней губе языком, углубил поцелуй и сжал шелк на худых бедрах.

Совсем не то.

Но возбуждение все равно теплом расходилось по телу. Я бы соврал, если бы сказал, что мне не нравилось происходящее.

Машина остановилась, я оторвался от девушки, она заправила короткие волосы за ухо и откинулась на спинку сидения. Я скользнул по ней взглядом, потянулся к водителю и хлопнул его по плечу.

— Позвоню, — произнес я, вылез из машины и открыл дверь для Мин-Юнь. Она оперлась на мое предплечье, пытаясь не споткнуться о раздробленный асфальт на высоких каблуках. Мы молча дошли до подъезда. В тишине поднялись в квартиру, из окон которой легко просматривался весь

Манхэттен.

Если и существовало что-то, чем отец действительно занимался, так это недвижимость. Он вложил в нее кучу денег: квартиры в Нью-Йорке, Лондоне, Чикаго и Париже, домик в Тоскане, поместье в Палермо, сеть отелей на Сицилии и что-то там еще. Я никогда не читал этот список дальше половины. Как-то раз мы с сестрой решили, что я беру первую часть списка, она – вторую. Потом мы об этом забыли и просто ездили туда, где есть собственное жилье.

В квартире стояла темнота, не сразу удалось различить очертания коридора и мебели. Впрочем, было плевать. Как только замок на двери щелкнул, я шагнул в гостиную, притянул Мин-Юнь к себе, бессовестно задрал короткое платье, оголяя бедра, на которых красовались чулки с кружевной резинкой.

Этот факт почти заставил забыть о том, что где-то в этом городе существовал настоящий змей-искуситель. Вот только при крошечной мысли о ней, нежный образ вернулся.

Мин-Юнь ощутимо укусила меня за губу, аккуратные пальчики принялись за пуговицы на моей рубашке, пока я пытался избавить желанное тело от обтягивающей ткани. Девушка придвинулась ближе, когда мои ладони накрыли упругие ягодицы, сжав бледную кожу. Тихий стон сорвался с ее губ и потонул в поцелуе.

Я целовал Мин-Юнь, а перед глазами почему-то возникла сцена с совершенно другой девушкой и чужими руками на

ней. И из-за этого поцелуи становились настойчивее, хватка на бедрах сильнее, а желание сорвать чертово платье и вовсе достигло таких масштабов, что я без промедления сделал бы это, если бы входная дверь не открылась, и на пороге не застыла моя сестра и мой лучший друг.

Резкая вспышка света ударила по глазам, заставив зажмуриться. Я наощупь поправил ткань на заднице Мин-Юнь, проморгался и уставился на непрошенных гостей.

— Если ты вдруг забыл, то у нас одна квартира в Нью-Йорке, — криво ухмыльнулась Анита, по-хозяйски устраиваясь в высоком кресле в углу комнаты. Алессио облокотился плечом на стену и насмешливо оглядывал меня. Мы будто снова оказались в университетской общаге, где он заставлял меня с первокурсницами почти каждые выходные. Впрочем, ни ему одному приходилось глазеть на реальное порно. Я тоже часто видел его голый зад.

— Почему сегодня всех так волнует моя память? — нахмурился я, нехотя выпуская Мин-Юнь из своих объятий. Она поправила одежду, взмахнула темными волосами.

— Пожалуй, я пойду, — она направилась в сторону коридора. Я кивнул и только через пару секунд опомнился.

— Подожди, вызову водителя.

— Возьму такси, — прокричала Мин-Юнь, а в следующую секунду входная дверь хлопнула.

— Некрасиво получилось, — поморщился я и плюхнулся на диван.

— Да, не очень, — скривилась Анита, — такое чувство, что воспитание обошло тебя стороной.

— И это говоришь мне ты? Да я к вашей спальне последние два дня подойти боялся!

— Не завидуй, — хмыкнул Алессио, отстраняясь от стены и усаживаясь рядом со мной.

— Я, скорее, сочувствую.

— Мне или Аните?

— Вам обоим, — устало отозвался я. — Так и почему вы так рано заявили?

— Ты знал, что сейчас среди антикваров идут разборки во многих кланах по миру? — тихо спросил Алессио, достав сигарету. Я потянулся к его пачке.

— А какое мне дело до этих жуликов?

— Такое, Энзо, что у нескольких семей уже вскрытые сейфы, — зло отозвалась Энни, сложив ногу на ногу. Я повернулся к сестре. Тусклый свет лег на бронзовую кожу ее лица, выделив тени и подчеркнув контур красных губ. В кресле с высокой спинкой, в красном пиджаке и черных брюках она походила на королеву, на босса мафии, как из фильмов или книг. Иногда я действительно благодарил высшие силы за то, что она моя сестра, а не враг. Даже во мне не находилось столько жестокости, как в ней.

— Ты переживаешь за скромные пять колец, которые достались тебе от матери? — выгнул бровь я, поджигая сигарету. Энни раздраженно вздохнула.

— Никто не знает, что это за кольцо и кто пытается его найти, но многие подозревают, что жертвами могут стать все семьи, чей бизнес начался три поколения назад. В их числе мы, Энзо.

— Нанять тебе дополнительную охрану? — я все еще не понимал, зачем она это говорила, но все же поставил себе задачу — укрепить охрану дома и проверить камеры. Однако сестре я об этом не сказал. — Запомни, Энни, в семье Моретти никогда не было жертв. И мы ими не станем, — конечно, я лгал. И она это знала. Наша мать стала самой настоящей жертвой, но никто не хотел этого признавать. Ее смерть превратилась в темное пятно на белой ткани нашего существования.

Анита решила промолчать, согласно кивнула и тоже потянулась за сигаретой, хотя курила довольно редко. Видимо, она знала об ограблениях что-то еще. Что-то, чем предпочла не делиться. Может быть, подозревала Мин-Юнь?

Мне не хотелось об этом думать. Я решал проблемы по мере их поступления. Пусть и до этого пытался их предотвратить.

Я уставился в окно, на кучу рассыпанных по черному покрывалу огней, и почему-то мысли метнулись к совсем другой ситуации. Какого черта во время прелюдии с Мин-Юнь я вдруг подумал о той девчонке? Я даже боялся лишний раз называть ее по имени, словно оно могло призвать ее, как какого-нибудь демона или ангела. Мне не нравилось, что мыс-

ли плохо поддавались контролю из-за нее. Этому должно быть объяснение. Я не верил в любовь, поэтому был уверен в том, что просто хотел залезть в ее трусики.

Глава 2. Эмили

Мне никогда не нравились ранние подъемы. Еще больше они мне не нравились после приемов, которые устраивал отец. Сегодняшнее утро не стало исключением. Голова болела от переизбытка шампанского. Я лежала поперек кровати. Алан криво примостился рядом, закинув на меня руку.

И как он еще умудрился не задушить меня своими огромными лапищами?

Я ткнула его под ребра в попытке разбудить. Если бы эту сцену увидел отец, то кто-то из нас, вероятнее всего Алан, пошел бы ко дну реки Гудзон. Чего стоил только тот поцелуй. Черт возьми, если его видел кто-то из семьи или он попал на фото, мне конец.

— Алан! — шикнула я, сев в кровати. На мне хотя бы осталась одежда, значит, я просто уснула. В этом точно ничего такого не было, мы часто засыпали друг на друге во время подготовки к сложным экзаменам. Но, по крайней мере, в такие моменты вокруг нас хотя бы лежала куча учебников.

Я тихо застонала, спрятав лицо в ладонях. Почему-то сейчас отчаянно хотелось умереть от стыда. Особенно после воспоминаний о причине, по которой я позволила себя поцеловать на глазах у всех.

Идиотка.

Все равно ведь не помогло.

— Что-то случилось? — прохрипел Алан, схватившись за голову. Я опустила руки и повернулась к парню.

— Убирайся срочно! — почти взвизгнула я и толкнула его в сторону. Он что-то пробурчал, а затем, не удержавшись, рухнул на пол.

Мне точно не стоило его целовать.

— Да что я такого сделал? — Алан выглянул из-под кровати и непонимающе уставился на меня.

— Как «что»? А кто распускал руки вчера?!

— Почему я не могу трогать свою девушку? — кажется, до него все еще туго доходило.

— Черт побери, Алан! — воскликнула я, кинув в него подушку. — Там ведь были журналисты и камеры!

Алан фыркнул и поднялся на ноги, как бы показывая, что это совсем не аргумент.

— Может быть, пора перестать прятаться по углам, Эми? — спросил он и, не дождавшись моего ответа, вышел из комнаты.

Не пора, Алан.

Я не настолько уверена в своих чувствах, чтобы рассказывать о них на каждом углу. И не была готова к тому, чтобы о нас ходили слухи. Сейчас, когда у папы проходила кампания по запуску новой продукции, я собиралась вести себя как можно приличнее и тише, потому что все объективы и так были направлены в нашу сторону. В том числе и внимание полиции. Всех интересовало, почему бывший русский

бандит занялся производством виски. Две тысячи долларов за бутылку — интригует, правда ведь?

В общем, в данный момент Алан не входил в планы «долго и счастливо». Это больше походило на «мы общались три года, как друзья, но на одной студенческой тусовке переспали, а потом оказалось, что мы слишком друг друга уважаем, чтобы забыть про случайный секс». Мы проводили вместе время, ходили на свидания и даже планировали съездить в Хэмптонс на выходные, но все никак не могли собраться: он был занят друзьями с экономического факультета, а я либо играла роль послушной дочери, либо мы с Мадлен сорили деньгами в кофейнях и брендовых бутиках. Хотя чаще всего просто смотрели фильмы на чердаке в доме ее мужа.

Я рухнула на подушки и устало выдохнула. Выдумала себе проблему из ничего. В этом я всегда была мастером.

Вдруг тишину разорвала громкая мелодия, заставившая вздрогнуть. Комната казалась слишком большой, чтобы легко найти в ней телефон: пыльно-розовые стены с росписью под потолком, арочные окна с видом на шумную улицу, гардеробная, в которой можно было устроить еще одну спальню, письменный стол из светлого дерева и кровать, с которой я скатилась на пушистый серый коврик.

И пока я искала телефон, «Carry On My Wayward Son» сотрясала комнату. Я знала, кто мог мне звонить. Эта песня стояла на звонке одного очень важного для меня человека.

Наконец, телефон нашелся под кроватью, я, не глядя, от-

ветила на звонок.

— Привет, Сэмми, — проговорила я, параллельно пытаюсь стянуть с себя чертово платье.

— Я ведь просил называть меня Сэмюэль или хотя бы Сэм, — на том конце провода раздался недовольный вздох, а я не смогла сдержать улыбку.

— Ничем не могу помочь, я знаю тебя как Сэмми.

— Сегодня суббота, ты ведь собираешься прийти ко мне? — он перевел тему, зная, что спорить со мной бесполезная трата времени. Ему все равно не одолеть меня в этом. — Вообще-то сейчас полдень, ты должна быть здесь уже пятнадцать минут, но почему-то я вижу только пустой коридор, — Сэмми театрально возмущался, а я улыбалась. Как и каждый раз, когда он звонил.

— Приду чуть позже, Сэмми, я только проснулась.

— Сразу видно, что ты живешь свою беззаботную жизнь аристократки. В общем, жду, — по-деловому цокнул он и сбросил вызов.

Я рассмеялась, все же стянула с себя платье и поплелась в душ, пытаясь хоть немного привести себя в порядок.

И все то время, что я стояла под горячей водой, затем выбирала одежду, я старалась не вспоминать вчерашний прием, не думать о поцелуе и о том идиотском жесте.

Почти получилось.

Спустя тридцать минут я вышла из комнаты, перекинув небольшую сумочку через плечо и поправив распушенные

волосы. В коридоре было слишком тихо, словно все затихло перед настоящим ураганом.

— Какого черта происходит? — а вот и ураган.

Только сейчас я заметила, что дверь в кабинет папы была немного приоткрыта, и я, воспользовавшись возможностью, тихо подошла ближе.

Надеюсь, что его злость направлена не на мою выходку.

— Собери людей, пусть ищут, нельзя допустить, чтобы он добрался до нас, — прошипел он, а в голосе четко слышалась угроза.

Давно я не видела его таким. Растерянным и раздраженным одновременно. Оно и верно, папа редко терял контроль над чем-либо, а тут, видимо, непредвиденная ситуация.

Черт, если ему еще доложат о поцелуе с Аланом, то небеса падут. И падут они на меня.

Я постояла около двери еще несколько секунд, но больше ничего не происходило, отец внимательно слушал собеседника, и мне пришлось оставить свою затею. Сэмми и так будет ворчать из-за того, что я задержалась.

Я пошла дальше по коридору, стараясь не шуметь, чтобы мама не услышала, как я ухожу. родители не очень любили, когда я одна ходила к Сэмми. О причинах оставалось только гадать, но почему-то мне думалось, что они просто хотели оградить и меня, и его от горечи, которая разъедала изнутри.

Оказаться незамеченной оказалось сложно: в узкий коридор выходили двери родительской спальни, гостевой комна-

ты и общей ванной, а в самом конце расположилась лестница на первый этаж квартиры, где находилась кухня, гостиная и дверь.

И, словно почувствовав мое приближение, одна из дверей открылась, и из комнаты выглянула мама.

— Куда это ты собралась? — прищурилась она, сложив руки на груди. Я уже давно поняла, что это какой-то семейный жест. У нее были такие же светлые, как у меня, волосы, те же зеленые глаза и хрупкая, худенькая фигура.

— Иду к Сэмми, — небрежно бросила я и ускорила шаг, скрываясь на первом этаже.

— Эмили! — нет уж, снова я на это не куплюсь. В прошлый раз я остановилась и подошла к маме, а она, взяв меня под руку, повела выбирать салфетки для ужина с друзьями отца. Конечно, я опоздала и успела зайти к Сэмми всего на пару минут.

Сегодня все оказалось удачнее — я вышла из дома, села в небольшой черный фورد и выехала на Парк-авеню.

В моей машине всегда было тихо. Я не любила включать музыку и насвистывать в такт мелодии. Признаться, меня немного пугало движение в Нью-Йорке, я не считала себя образцовым и опытным водителем, но мне нравилось ощущать эту свободу. Я могла сесть за руль и в любой момент отправиться в другой город или даже штат. И я бы так и поступала, если бы у меня хватало смелости на такие безответственные поступки.

Около этой больницы всегда стояло много машин: доктора, персонал, родители больных детей и дети больных родителей. Иногда мне казалось, что здесь сосредоточилась вся горечь человечества. Каждый раз, когда я оставляла машину на парковке, внутри что-то сжималось от боли, от осознания, что кому-то приходится это переживать. А потом я проходила через стеклянные двери в холл, в котором витал запах таблеток, поднималась на лифте на третий этаж, и боль под ребрами становилась сильнее.

Здесь ничего не менялось годами: белый коридор со множеством дверей, детские рисунки на стенах, стенды с медицинской информацией и редкие цветы в высоких белых кашпо. Их даже поливали в определенное время определенных дней. В этих стенах все существовало по расписанию. И пациенты, и уборка, и жизнь. Контроль в самом настоящем его проявлении. Контроль, от которого нельзя убежать.

Нужная мне палата находилась буквально в двух шагах от лифта. Я остановилась около двери, тихо постучала, зная, что мой стук будет услышан в любом случае.

Дверь почти сразу открылась, а на пороге возник зеленоглазый мальчик, чье лицо исказила недовольная гримаса. Он ничего не сказал, отошел в сторону, пропуская меня в светлую небольшую комнату с кроватью, которую окружало несколько мониторов.

— Ты караулил меня у двери? — хмыкнула я, проходя внутрь и усаживаясь на край кровати.

— Еще чего, — буркнул он, закатив глаза. — Хотел сходить к Итану в соседнюю палату. Я даже устал тебя ждать, — зеленые глаза хитро сверкнули.

— Прости, вчера мне пришлось до поздней ночи улыбаться гостям, — потеревшая край свободной футболки я. Сэмми устало выдохнул и все же потянулся меня обнять.

В декабре ему исполнится восемь лет. По всем правилам он должен был ходить в школу, играть с друзьями в футбол и надоедать своей старшей сестре, то есть мне, по воскресеньям, но в реальности большую часть своей жизни он проводил в больничной палате из-за болезни сердца.

Сэмми обожал сериал «Сверхъестественное», Металлику и банановый пудинг, любил, когда я приходила по субботам утром и смотрела вместе с ним несколько серий про двух братьев. Он мечтал об импале и тату в виде пентаграммы на груди, но пока что мог только носить клетчатые рубашки и слушать плейлист Дина Винчестера. Я верила в то, что однажды он исполнит эти мечты.

— А я уже дошел до шестого сезона, — проговорил он, отстраняясь. Я качнула головой и улыбнулась, наблюдая за тем, как из-под подушки Сэмми достал несколько шоколадных батончиков. Один он протянул мне. — Надеюсь, сегодня ты согласишься со мной финал.

— Ты ведь знаешь, что тебе еще лет одиннадцать этот се-

риал смотреть нельзя?

— А кто мне запретит? — ехидно спросил брат, разрывая обертку. — В любой момент в моем организме что-нибудь может перестать работать, так что не вижу смысла тратить минуты жизни на ограничения. Причем, бесполезные. Если тебе что-то приносит удовольствие, то глупо от этого отказываться, — Сэмми пожал плечами и похлопал по кровати рядом с собой. Я села ближе, повертела шоколад в руке и задумалась. Иногда Сэмми говорил что-то такое, из-за чего хотелось остановиться и посмотреть на себя под другим углом. Так ли он не прав? Да, мы оба выросли в семье, где деньги пустой звук, где они по умолчанию всегда есть, где нет строгих запретов и рамок, но при этом прутья золотой клетки отпечатывались так сильно, что оставляли синяки.

— Итак, в будущем я точно стану Дином, — звонко проговорил брат, включая небольшой ноутбук, который ему подарили родители для занятий. Конечно, для учебы он использовался в последнюю очередь.

— Ты уже малыш Сэмми, — я потрепала брата по волосам. — Даже прическа один в один.

— Это потому, что папа все никак не может заехать за мной. Он обещал свозить меня в настоящую мужскую парикмахерскую!

— О, он обязательно это сделает, когда волосы станут чуть длиннее, — после этих слов Сэмми вдруг стих, отвел взгляд в сторону и даже поставил сверхов на паузу. Мне показалось,

что в уголках глаз мелькнули слезы.

Я снова его расстроила.

— Сэмми...

— Все в порядке, Эми, просто... — он вздохнул, схватился за край клетчатой рубашки и вдруг посмотрел на меня. С такой печалью и тоской во взгляде, что я едва не задохнулась от нахлынувших эмоций. — Почему они так редко ко мне приходят? — тихо спросил Сэмми, а я почувствовала себя жалкой и глупой. Конечно, он имел в виду родителей, а у меня не было ответа на его вопрос. Да и кто смог бы ответить на него? Почему-то я была уверена, что и мама с папой не нашли бы достаточно важной для этого причины.

— Не знаю, — честно отозвалась я, обхватив его за плечи. Сейчас он выглядел совсем крошечным. Маленьким мальчиком, который почти ничего, кроме белых стен, не видел. Мальчик, на которого почему-то свалилось столько трудностей. — Может быть, им тяжело и страшно. Может быть, трудно смириться.

— Но если ты здесь, значит, смирилась? — он поднял голову, я тяжело сглотнула, стараясь сдержать слезы.

— Никогда не смирюсь, Сэмюэль, буду бороться за тебя. И ты должен бороться, потому что тебе еще нужно заработать на импалу и сделать тату, — улыбнулась я, крепко обнимая брата. Он согласно кивнул и шмыгнул носом.

— Ладно, давай смотреть.

— Знаешь, вообще-то мне нравится персонаж Смерти.

Считаю, что над ним хорошо поработали.

— Этот сморщенный старикашка?! — взвизгнул брат, уставившись на меня как на умалишенную. — Ты меня разочаровала, я был уверен, что ты запала на Сэма.

— Слишком сложно, Сэмми. Может быть, Кроули?

— Принимается, — деловито проговорил Сэмми и уткнулся в экран. Я развернула шоколадку и пыталась вникнуть в сюжет серии.

Это уже стало нашей традицией. Каждую субботу в часы посещения я приходила к брату, мы смотрели несколько серий, отбирали друг у друга мармелад или шоколадки, потом Сэмми рассказывал мне об учебе и друзьях из больницы. Я проводила у него все разрешенное время, а затем возвращалась домой, стараясь не рыдать от несправедливости.

Сегодня я тоже просидела у Сэмми почти до самого вечера. Меня попросили уйти, когда начались осмотры. Так происходило почти каждую субботу. Я старалась освободить этот день, чтобы провести его с братом, а в воскресенье в основном занималась учебой. Признаться, я была самой настоящей заучкой. Но мне нравились новые знания и нравилось изучать мир. Но сентябрь только начался, поэтому учебы было не много.

Я наклонилась к брату, легко чмокнула его в лоб, из-за чего он скривился, но все же мельком улыбнулся.

— Пока, Сэмми, скоро увидимся, — попрощалась я и направилась к выходу из палаты.

Всегда было тяжело прощаться. Я боялась, что однажды приду, а мне скажут, что навещать больше некого. До безумия сильно этого боялась. Сэмми казался для меня светлым пятном в этом мире. Он буквально светился, словно ангел. И судьба точно сыграла с ним злую шутку, когда для него выбрали имя Сэмюэль — «услышанный Богом». Вот только Бог не услышал ни одну нашу молитву. И молитв Сэмми он тоже не услышал.

Предательская слезинка все же соскользнула по щеке, когда стеклянные двери выпустили меня на улицу. В воздухе уже чувствовалось дыхание осени, но солнце еще по-летнему щипало за кожу. Я шагнула в сторону парковки, пытаюсь надеть сумочку на плечо, но неожиданно споткнулась и врезалась в проходящего мимо мужчину.

— Извините, — буркнула я, утерев слезы ладонями.

— Ничего страшного, — мужчина поставил меня на место. Я поправила волосы и подняла глаза. Он склонил голову набок и легко улыбнулся. — Вы в порядке?

Я качнула головой.

— Все нормально.

— Амелия? — откуда-то из-за спины мужчины раздался низкий голос. Я выпучила глаза, рассматривая появившегося Энзо Моретти.

На какой-то миг показалось, что я все еще спала.

Мои губы в удивлении приоткрылись, дыхание стало частым, а щеки покрылись румянцем. Вдруг стало слишком

жарко.

К этой встрече я точно не была готова, но почему-то она случилась.

Человек, из-за которого я вчера рисковала репутацией, стоял прямо напротив меня. И его темный взгляд абсолютно точно был прикован ко мне. Взгляд, от которого хотелось спрятаться и одновременно с тем раздеться. И желательно, чтобы он не отводил глаз, а сантиметр за сантиметром изучал каждый изгиб моего тела.

Я точно сошла с ума, потому что считала его чертовски привлекательным, хотя должна была считать извращенцем. Но вместо того, чтобы убежать, замерла на месте и даже не сдвинулась в сторону машины. Глупо моргала и разглядывала завитые на концах волосы, прикрывающие уши, заметную щетину, до которой хотелось дотронуться, карие глаза, что смотрели прямо, шею, с которой свисали две серебряные цепочки, и сильные пальцы с кольцами.

Из какой книги ты вышел, Энзо Моретти? Почему так хорош собой? И почему твое поведение меня ни капли не настораживает?

— Эмили, — очнулась я, сложив руки на груди. Снова ощущала себя раздетой. — Месье Моретти, да? Или как у вас там в Ирландии принято обращаться к мужчинам? — мой подбородок взметнулся вверх, бровь вопросительно изогнулась, а он всего лишь коротко рассмеялся, пройдясь взглядом по моему лицу.

— По-твоему так выглядят ирландцы? — рассмеялся он, небрежно обведя свою фигуру ладонью. Я сдвинула брови к переносице и прикусила губу. — В Италии принято говорить «синьор».

— Как жаль, что мне плевать, — отозвалась я, встряхнула волосами и, обогнув его, направилась к машине, хотя сердце уже давно отплясывало неизвестный мне танец. Скорость ударов смахивала на брейк-данс.

— Хорошего дня, Амелия! — донеслось мне в спину. Я не обернулась и едва сдержала порыв показать ему средний палец, как сделала на приеме.

— Пора вам прекратить меня преследовать! — прокричала я, открыв дверь машины.

— Мы живем на Манхэттене, а он не так уж и велик, чтобы никогда не встретиться!

И, пока он не успел сказать что-то еще, я нырнула в салон и захлопнула дверь, оставляя звуки на улице. Казалось, что он все еще стоял там и смотрел на меня. Я осмелилась повернуться, но Энзо Моретти уже сиделся в черный спорткар, в котором в следующее мгновение гроыхнула музыка.

Сэмми явно был бы доволен.

Улицу сотрясала песня из его любимого сериала.

Судьба явно решила посмеяться надо мной.

Я откинулась назад и прикрыла глаза, перед которыми, как наяву, возникли непрошенные воспоминания.

Впервые я увидела его прошлым летом. Он шел к отелю,

в котором мы остановились с семьей, а я «вовремя» увернулась от Сэмми, который так и норовил обрызгать меня холодной водой.

Энзо Моретти оказалось трудно не заметить. Во-первых, потому что на пляже больше не нашлось бы ни одного человека в классических брюках и в черной рубашке, расстегнутой наполовину. Так, что на загорелой груди виднелось какое-то тату. Во-вторых, потому что он притягивал взгляд, выделялся из толпы. Казался жутко уверенным в себе. Складывалось ощущение, что ему плевать на все происходящее.

Тогда я отвела взгляд всего на секунду, а когда снова нашла его фигуру, заметила, что он смотрел в мою сторону.

Хотя я не обманывала себя на этот счет. Вдруг ему приглянулся закат?

Правда, немного позже не сдержалась и решилась на провокацию. После этого уверенность в том, что он смотрел тогда на меня, укрепилась. Но дальше провокаций и обмена любезностями я не собиралась заходить. Это все равно ни к чему бы не привело. Только бы все разрушило.

Я открыла глаза, вырывая себя из пленительных и сладостных воспоминаний. Может быть, он вообще женат. Или у него есть подружка и дети, о которых никто не знает.

Ну почему из всех мужчин в мире именно от взгляда Энзо Моретти бросало в сладостную дрожь? Какого черта инстинкт самосохранения не кричал о том, что нужно бежать, не оглядываться и не говорить с ним?

Плевать.

Я завела машину, глянула на место, где встретила его, и замерла.

— Вот черт...

Рядом находился клуб бокса. И есть огромная вероятность, что он просто шел с тренировки, когда мы столкнулись. И зачем я только ляпнула про слежку?

Я со стоном ткнулась в руль лбом, на котором красным индикатором должно было мелькать небольшое, но красноречивое послание. Идиотка.

Я не придумала ничего лучше, чем написать Мадлен.

Глава 3. Энзо

Аромат кофе витал в темной кухне, над Нью-Йорком всходило солнце, словно гирлянда на миниатюре, окрашивая стеклянные высотки в желтые цвета. Привычный вид изменился. Теперь вместо переменчивого моря за окном расположились каменные джунгли.

Я отпил кофе, не отрывая взгляда от небоскребов. Иногда мне искренне нравился город. А иногда он до безумия раздражал, даже душил. Мне нравилось размеренное течение жизни в Палермо, нравились море и большой дом. Квартира в Нью-Йорке, пусть и занимала весь этаж, все равно не давала такого чувства свободы.

Город постепенно просыпался, и люди бросались в омут с головой — бежали на зеленый сигнал светофора, хватали в кофейнях свои напитки и на ходу их выпивали. Когда здесь наслаждаться жизнью? Когда ощущать ее в каждой секунде неспешного утра?

Кажется, я никогда не смогу их понять.

Я вернулся за стол, открыл ноутбук и взгляделся в отчет. В этом тоже было мало наслаждения жизнью, но я знал, что потраченные на цифры сорок минут принесут мне гораздо большее. Например, меня не упекут за решетку за неуплату налогов.

— Энзо, — тихо позвала сестра, я поднял глаза поверх

экрана. Анита появилась в дверях без укладки и в огромной футболке, свисающей с плеча. Скорее всего, она принадлежала Алессио. И футболка, и Анита. — Давно не видела тебя в очках, — хмыкнула она, пройдя в кухню и включив кофемашину.

— А я давно не видел тебя в обычной одежде.

— Что значит «обычная одежда»?

— Ну знаешь, та, в которой *обычные* люди ходят дома, едят пиццу на диване и пьют кофе.

— И это говоришь мне ты? — сестра повернулась, оглядела меня с головы до ног и сложила руки на груди. — Время девять утра, тебе не надо ходить в офис, но ты в рубашке и брюках!

— Это для рабочего настроения, — возмутился я, сняв очки в квадратной оправе. Я действительно редко их надевал — только для работы за компьютером и поздних поездок за рулем.

— Энзо, у тебя не бывает рабочего настроения.

— Ты сегодня слишком много болтаешь, — махнул рукой я, призывая Энни остановиться, но, кажется, ее это только больше распалило.

— Глава охраны просил у меня доступ к камерам, — обронила она, будто пыталась уличить меня в чем-то постыдном или неправильном. Анита не дождалась моей реакции, отвернулась и поставила еще одну кружку для кофе.

— Потому что я знаю, как тебе дороги эти чертовы побря-

кушки, — буркнул я, словно это ничего не значило. А оно и не значило. Просто я и Анита — все, что осталось от семьи Моретти, и я не мог позволить никому бросить тень на наше наследие. — Вот только ты мне не все рассказала, верно?

Энни не ответила, пожала плечами и сделала вид, что очень занята приготовлением кофе. Она бы никогда не сказала, если бы не была уверена в своих словах. Вот и сейчас, скорее всего, причиной ее молчания стало отсутствие фактов.

— Можешь поделиться и догадками, уж тебя я точно не застрелю за неправильные слова, ты же не Алессио, — невзначай бросил я, надев очки. Энни шумно выдохнула.

— В Алессио тоже стрелять не нужно.

— Он иногда болтает все, что вздумается, в этом вы похожи.

— Никто из нас хотя бы не получал в нос за свои слова, друг, — ехидно проговорил Алессио, появившись на кухне. Я закатил глаза.

— А я уж подумал, что Энни решила принести тебе кофе в постель, — недовольно отозвался я, рассматривая Алессио на пороге. Он, по обыкновению, облокотился плечом на стену и сложил руки на груди.

— Не заткнешься, этот кофе окажется на твоей голове, — буркнула сестрица и, взяв обе кружки, поставила их стол, а перед этим поцеловала жениха. — Доброе утро.

Алессио мягко притянул девушку к себе, опустил руки на

талию, и я спешно отвернулся. Все-таки я видел ее еще совсем маленькой, и иногда во мне просыпался старший брат, который хотел уберечь и защитить. Пусть я и знал, что Алессио — последний, кто сделает ей больно.

— Ну все, хватит, идите в комнату, вы портите мне аппетит, — я кинул в них фантик от конфеты. Анита закатила глаза, но ничего не сказала и села за стол. Алессио поднял обертку, развернул и тихо присвистнул.

— Не рановато ли для конфет с коньяком?

— Это для настроения.

— Ты безнадежен, — подвел итог друг и уселся напротив меня.

В чем-то Алессио был прав. Меня уже не изменить. Я привык быть один, привык нести на своих плечах ответственность за семейный бизнес и привык к конфетам с коньяком.

— Я думаю, что тебе нужно заняться хорошим сексом, — вдруг протянул Алессио. Анита подавилась кофе и закашлялась, а я нахмурился, разглядывая парочку. Они точно нашли друг друга.

— Ты помнишь, чтобы он встречался с кем-нибудь? — Анита повернулась к жениху. Алессио улыбнулся и качнул головой. — Вероятно, это было так давно, что я этого не помню, потому что тогда была еще в подгузниках!

— Вчера я был близок к тому, чтобы исполнить твой совет, придурок. И мне все еще не нравится обсуждать свою личную жизнь при младшей сестре.

— Личную жизнь, которой нет? — ехидно спросила Ани-та.

— Вчера...

— Да-да, вчера мы все испортили, можешь не объяснять, — скучаяще повторила она. Алессио деловито опустил локти на стол.

— Если не получается с сексом, то попробуй спорт. Как давно ты дрался с кем-нибудь?

— Если не заткнешься, то ты будешь первым, кого я ударю в этом месяце, — оповестил я и закрыл отчет. С этими двумя вечно так. Они как курицы-наседки. И ведь им плевать на то, что я на десять лет старше. По крайней мере, на десять лет старше сестры. С Алессио мы были ровесниками.

— Лучше побей грушу, я забронировал нам зал. Представь, ты, я, пустой ринг... романтика!

От ответа меня спас звонок. Я ткнул в экран, не сводя глаз с сестры и друга.

— Мин-Юнь?

— Доброе утро, Энзо, — тягуче медленно раздалось из динамика. Все-таки следовало позвонить ей вчера вечером. Я поступил, как идиот. Пусть и делал это довольно часто и пусть редко заводил отношения, но все-таки я не любил вести себя с девушками, как кретин. Это портило репутацию. И впечатления от удовольствия.

— Извини, что вчера все так вышло, — проговорил я, а потом едва не треснул Алессио за чересчур громкий смешок.

— Не стоит, но ты можешь загладить свою вину.

— И как?

— Сходишь со мной на выставку драгоценностей, — без промедления отозвалась Мин-Юнь. Черт возьми, а она явно готовилась к этому разговору.

— Ты идешь туда как вор или как ценитель? — все же мне не хотелось приплести к своему послужному списку еще и соучастие в ограблении. Точно не сейчас, когда дела с русской мафией начали налаживаться.

— Как предприниматель.

Я рассмеялся.

В понимании Мин-Юнь бизнес мог означать что угодно — от убийства до грабежа. Я решил не уточнять.

— Когда?

— Отлично, в среду в шесть вечера, адрес пришлю.

— За тобой заехать?

— Нет, не забудь надеть костюм. До встречи, — мне хотелось съязвить, но Мин-Юнь уже положила трубку. Иногда меня удивляла ее способность решать дела в два счета. Я всего лишь хотел извиниться за неудавшийся вечер, а теперь вынужден пойти на выставку драгоценностей и, возможно, стать соучастником в преступлении. Хотя я должен быть последним человеком, кого бы это смутило.

Я не успел выдохнуть, как телефон в руке завибрировал. На этот раз звонил Александр Лисовски.

— Да?

— Энзо, пришлешь кого-нибудь за билетами на презентацию? — сходу начал Александр, забыв про формальности и вежливость. Сейчас я даже был ему за это благодарен.

— А получить по почте их нельзя?

— Нет, мы решили провести презентацию на производстве в формате маскарада с отсылками к сухому закону, а в те времена не было электронной почты, сам понимаешь, — хмыкнул мужчина.

Нью-Йорк явно решил меня испытать.

— Когда забрать приглашения?

— Если хочешь попасть среди первых, то сегодня.

— Хорошо, — выдохнул я, сбросил вызов и повернулся к Алессио. — Когда, ты говорил, мы можем пойти на ринг?

Алессио оказался прав. Мне всего лишь требовалась физическая нагрузка, чтобы очистить мысли. Сначала я остервенело бил грушу, затем ее место занял друг, но он быстро понял, что лучше оставить меня в одиночестве, и я продолжил колотить ударный мешок.

Этого мне явно не хватало в Италии — ритма. Быстро, жизненного, хаотичного. Там все было просто и понятно. Здесь же все походило на игру в кости — светские мероприятия, зашкаливающие чувства: злость, желание, интерес. Здесь меня словно окатили холодной водой и заставили что-то делать, а я замер в своей привычной тихой гавани и не

двигался.

Я даже не мог объяснить себе, по какой именно причине злился, почему груша под моими ударами слегка отклонялась в сторону и почему, черт возьми, я думал об этой маленькой блондинке, словно она была главным ведущим в карточной игре, в которой я проигрывал.

Чертов Алессио. Чертова Эмили Лисовски. Чертова Мин-Юнь. И Анита.

Я выдохнул и остановился. Стало легче. Но не так, как мне хотелось бы. Я стянул перчатки, вытер пот со лба и устало плюхнулся рядом с другом на скамейку.

— Что-то случилось? Давно не видел тебя таким... активным, — спросил Алессио, сунув мне бутылку с водой. Я прикрыл глаза, пытаюсь отдышаться.

— Когда мы последний раз были в Нью-Йорке?

— Где-то полгода назад, — задумчиво отозвался друг. — А что?

— Вот с того времени я не притрагивался к боксу вообще, так что можешь считать, что я просто соскучился по ощущению, когда от моих ударов никто не орет и не убегает.

Алессио согласно кивнул и ничего не ответил, я оставил его в зале, а сам направился в раздевалку. Мышцы приятно ныли, а в голове стало подозрительно пусто.

Когда я вернулся в зал, Алессио стоял около двери, закинув спортивную сумку на плечо, темные волосы были взлохмачены, а взгляд карих глаз задумчиво бродил по помеще-

нию. Иногда меня пугала его схожесть с Анитой — оба любили находиться в своих мыслях, подолгу что-то обдумывать, а потом внезапно выдавать факты, которые переворачивают мир с ног на голову. Анита однажды помогла найти предателя в клане. Ее оружием стала внимательность к деталям, она слушала, наблюдала, собирала информацию и не ошибалась в своих выводах.

Алессио первым вышел на улицу, достав сигарету. Я шел следом, шурясь из-за яркого солнца, и снова думал о том, почему и мой друг, и моя сестра хранили какую-то часть информации втайне от меня.

Я засмотрелся на широкую спину Алессио в черной футболке, гадая, как выпытать у него все, а он вдруг резко остановился, и я едва успел затормозить.

К этой встрече я точно не готовился.

Прямо передо мной стояла Эмили Лисовски.

Черт возьми.

Ее глаза покраснели, губы подрагивали, а на щеках виднелись мокрые следы. Она точно плакала. Я глянул на двери, из которых она вышла — больница. Мне захотелось спросить все ли в порядке, нужна ли помощь. Сказать хоть что-то, что бы могло утешить ее, но я не придумал ничего лучше, чем...

— Амелия? — я знал, что она — Эмили. Какого хрена я творил?

И с каждой фразой, слетевшей с моего языка, брови Алессио поднимались все выше, Эмили хмурилась все сильнее,

а мне почему-то нравилось ее подначивать. Хотя нет, мне нравилось то, что она стояла рядом, смотрела на меня и говорила со мной. Пусть это и были жалкие две минуты. Зато она больше не плакала.

Кажется, я слишком долго смотрел вслед Эмили, потому что очнулся только когда почувствовал толчок в плечо.

— У тебя расплавились мозги, Энзо, — выдал Алессио и направился к машине. Я не стал больше задерживаться и отвечать другу. Плевать на мозги. — Теперь ясно, что и бокс бессилён, — проговорил парень, когда я открыл водительскую дверь спорткара.

— Ты о чем?

— Тебе нужен секс, Энзо.

— Не буду напоминать о тех, кто испортил мне вечер.

— О неееет, — протянул он. — Тебе нужен секс не с симпатичной китаяночкой, а с этой, — Алессио ткнул за мою спину. — С этой красивой блондинкой.

— Заткнись, — я включил музыку, потому что последнее, о чем я хотел слушать — секс с Эмили. Мне и без того хватало непрошенных фантазий и воспоминаний о белом бикини и ее розовом лифчике, который она так беззастенчиво поправляла. Я запретил себе об этом вспоминать. Жаль, что это было бесполезно.

До дома мы добрались в удивительной тишине, если не считать АС/DC на фоне и рев мотора. Но, как только мы вошли в квартиру, мое право на тишину закончилось. Алессио

с порога объявил о том, что увидел.

— Звездочка моя, Энзо постиг самое глубокое чувство в мире!

— Интеллектуальный голод? — Анита отвлеклась от книги и глянула на нас, застывших на пороге гостиной.

— Бери выше, — интригуяюще начал парень, опускаясь в кресло. — Он запал на одну девушку.

— Я не запал на нее.

— И кто же это?

— Та блондинка, с которой он разговаривал вчера на приеме, забыв о том, что пришел не один. Как же ее... — он притворно задумался. Анита удивленно приоткрыла рот.

— Дочь Александра Лисовски?

— Точно, она, эта симпатичная, маленькая блондинка, — кивнул Алессио, явно наслаждаясь моим замешательством. — Говорят, русские холодны, как сибирская зима.

— Да, а еще у них запросы такие, что даже тебе могут оказаться не по карману, — поддакнула Анита, устраиваясь на коленях у жениха. Я нахмурился. Не будь он моим другом, давно бы сгнил в канаве за то, что вообще посмел посмотреть на мою сестру. Но когда их отношения зашли слишком далеко, Алессио сам все рассказал мне, а потом долго доказывал, что он ее достоин. Наверное, это было высшей степенью доверия, ведь я доверил ему единственного важного для меня человека. — Знала бы, что тебе нравятся молоденькие девушки, то не говорила бы своим подругам, чтобы они ни

на что не рассчитывали.

— Она мне не понравилась, — повторил я, только потом понимая, что именно сестра пыталась сказать. — Что ты делала?

— Ты такой смешной, Энзо, — она надула губы и звонко рассмеялась.

— Придурки, — буркнул я и прошел мимо них в ванную комнату.

Конечно, их комментарии были простым дурачеством. Мне хотелось увидеть Эмили под собой. И на себе. И... сбоку.

Черт, было ошибкой представлять это. И это желание не имело ничего общего с симпатией или чувством влюбленности.

Я выдохнул, стянул с себя грязную одежду и залез в холодный душ. Сегодня мне предстояла встреча с ее отцом, пусть и на несколько минут. Было просто необходимо убраться подальше от сестры и этого придурка, именно поэтому ближе к вечеру я нацепил на себя рубашку и черные джинсы и вышел из комнаты.

Конечно, Алессио и Анита сразу оживились.

— Он точно на нее запал, смотри, как приоделся на встречу с ее отцом, — с ехидством заметил друг. Анита оглядела меня с головы до ног.

— У нас с ней разница одиннадцать лет, а еще ее отец — мой партнер, тут не о чем говорить, — отозвался я.

— Ну и что? У нас с Алессио десять лет разницы, — Ани-та отложила книгу в сторону.

— Я не буду напоминать о том, что если бы он не пришел ко мне с исповедью, то увидел бы только мой кулак, а не тебя в его постели. И он мой друг. Я даже знаю, что у него шрам на заднице.

— Слева или справа? — весело поинтересовался друг.

— У копчика, — я мрачно улыбнулся, наблюдая за тем, как он шутливо прикрылся.

— Меня пугает то, что ты так много обо мне знаешь.

— Ты получил этот шрам при мне!

— Так надеешься с ней встретиться, что не додумался по-слать водителя? — иногда Алессио слишком сильно меня бе-сил.

— Он занят.

— Отдыхом, который ты ему и поручил?

— Все, я ушел, — я махнул рукой и поскорее скрылся в коридоре.

Что за парочка демонов поселилась в моей квартире? Бо-же. Пора вызвать экзорциста. Может быть, молитвы помогут.

Я вышел из квартиры, спустился на самый нижний этаж на лифте и сел в темно-синюю машину. По салону разлился привычный рок, который почему-то вселял спокойствие, и стало плевать на пробки, на бесконечные гудки автомобилей и огни вечернего города. Впервые за несколько недель я на-ходилась один на один с любимой музыкой.

Квартира Александра находилась на другом конце Манхэттена, мне пришлось объехать район почти по кругу перед тем, как остановиться возле высотки около Парк-авеню.

Я оказался на улице, едва сдерживая желание закурить, посмотрел на номер дома и направился к подъезду, а после — на самый последний этаж. Было в этом что-то поэтическое — забираться так высоко. Возможно, потому что хотелось смотреть на всех сверху, воображая себя повелителем города грехов. Мне так точно хотелось, именно поэтому я и выбрал квартиру, из которой просматривался почти весь Нью-Йорк.

Дверь мне открыл сам Александр в домашней одежде с телефоном в руке. Он явно удивился, увидев меня, а не посыльного или хотя бы Алессио.

Признаться, я и сам удивился. Видимо, общество друга и сестры оказалось слишком тяжелым.

— Не ожидал тебя увидеть, — Александр протянул мне руку. Я пожал ее и прошел в небольшой темно-бордовый коридорчик.

— Проезжал мимо, решил заехать, — соврал я, осматривая просторное помещение: две арки — на кухню и в гостиную, лестница в конце коридора на второй этаж и много искусственного освещения. Все в бордово-коричневых тонах, на грани катастрофы и роскоши. Впрочем, вряд ли я имел право обсуждать этот ремонт, когда у самого кухонный гарнитур напоминал кровавое побоище.

— Останешься на кофе? — заманчиво, но возможность встретиться с Эмили второй раз за день не прельщала. Как и ледяной душ после этой встречи.

— Не хочу мешать.

— Да брось ты, Энзо, я сейчас, как в том фильме, один дома, — рассмеялся мужчина, хлопнул меня по плечу и подтолкнул вперед по коридору. Что ж, по крайней мере, я надеялся, что он не собирался меня убивать. Хотя если бы знал, какие мысли посещают меня при виде его дочери, то точно выкинул бы из окна.

Александр проводил меня на небольшую кухню, жестом указал на стол у окна, а сам поставил чайник.

— Заслуженный отдых от семьи в одиночестве? — спросил я, пытаюсь заполнить неловкое молчание. Александр хмыкнул и повернулся ко мне.

— Эмили убежала куда-то с самого утра, а женушка вся в поиске каких-то старинных побрякушек, — отозвался он, затем отвернулся. чтобы разлить чай по кружкам.

— Анна, — так звали его жену, — занимается драгоценностями?

— Да, изучает историю, ищет украшения, перепродает их, сотрудничает с музеями, — легко ответил Александр, опускаясь на стул напротив меня.

Анна ищет драгоценности, и в это же время криминальный мир сотрясает волна ограблений. Совпадение?

Я качнул головой.

— В среду намечается какая-то выставка, вы тоже там будете?

— Конечно, как мы можем пропустить возможность полюбоваться на нефритовые китайские гребни, сапфиры французского двора и бриллианты английской королевы, — он театрально всплеснул руками, из-за чего состоялось впечатление, что Александр обычный мужчина, который водит любимую жену по мероприятиям. Признаться честно, в домашней одежде, с чашкой чая в руке он совсем не выглядел грозным русским мужчиной, которого боялась половина Нью-Йорка. И, наверное, половина мира.

— Я тоже приглашен.

— У тебя получается насыщенная программа в этой поездке.

— Ни минуты покоя, — улыбнулся я. — Думал, прилечу, пожму тебе руку и улечу обратно, а нет, хожу тут, словно турист, по музеям.

— Это еще ничего, вот приехал бы ты перед Рождеством, было бы еще веселее, — хмыкнул он, и нашу милую беседу прервал звонок в дверь.

Мужчина нахмурился, поднялся из-за стола и направился в коридор. Я пошел следом и надеялся, что вернулась жена или просто пришел курьер.

Но мои надежды рухнули, когда Александр открыл дверь.

На пороге возник солидный мужчина, может быть, чуть старше меня, он придерживал Эмили... пьяную Эмили, а за

его спиной маячила статная брюнетка. Мужчина что-то сказал Александру.

Я остановился прямо на пороге кухни, облокотился плечом о стену и приковал взгляд к Эмили. Она была не настолько пьяна, чтобы не соображать, но и не настолько трезва, чтобы добраться домой в одиночестве.

Она выглядела забавно. И она смотрела на меня.

Эмили вдруг отстранилась от мужчины, обняла девушку позади него и вошла в дом.

— Прошу не сейчас, — сказала она отцу и прошла мимо него. Александр проводил дочь недовольным взглядом, а затем повернулся к ее сопровождающим.

Эмили остановилась напротив меня, между нами повисло тяжелое молчание, с которым она сердито оглядывала мое лицо, будто я успел сделать что-то не так или как-то обидеть ее. И я просто стоял и смотрел в ответ, почему-то думая о том, какие на вкус могут оказаться ее губы. Почему-то казалось, что клубнично-кислые.

Хотелось коснуться молочной кожи, провести по светлым волосам — похожи ли они на шелк? — запутать в них пальцы, притянуть к себе и, больше не сопротивляясь своим желаниям, поддаться искушению. Оно ведь совершенно точно после бы исчезло.

— Оставьте мои мысли, мистер Моретти, — прошептала девушка, тяжело вздохнув.

Она точно обращалась ко мне?

Я даже выпрямился, ожидая услышать что-то еще, но Эмили оглядела меня еще раз и, развернувшись, направилась на второй этаж. Мне с трудом удалось подавить желание пойти следом и спросить что-нибудь.

Черт возьми.

Кажется, только сейчас я вспомнил, что для жизни необходимо дыхание, и сделал первый вдох.

— Если бы это были не вы, Мадлен, то я бы заподозрил неладное, — угрожающе-шутливо пробасил Александр и засмеялся, вырывая меня из сладостного плена.

Твою мать.

Эмили действительно просила меня покинуть ее мысли?

Ладно, она ведь пьяна. Конечно, она не имела в виду ничего такого. Хотя... какая-то часть меня радовалась из-за того, что не я один прозябал в этой безнадежной похоти.

— Энзо, — позвал Александр. Я направился к нему, пытаясь успокоиться. — Думаю, вам следует познакомиться — это Дэмиан и Мадлен Вуд. Дэмиан один из моих инвесторов. А это Энзо Моретти, мы сотрудничаем.

Рукопожатие Дэмиана Вуда оказалось уверенным и сухим. Как и он сам. По крайней мере, так бы я охарактеризовал его.

— Приятно познакомиться, — вежливо проговорила девушка, поправив темные волосы. Я кивнул.

— Спасибо, что не оставили ее одну, — я впервые слышал, как в голосе Александра звучала искренность. Кажется,

дочь для него многое значила. Не так, как бывало в наших кланах. Александр вряд ли считал Эмили разменной монетой и предметом сделки купли-продажи.

— Брось, Алекс, — устало отозвался Вуд и, взяв жену за руку, скрылся в подъезде. Видимо, их связывал не только бизнес, но и дружба.

Я повернулся к Александру.

— Думаю, мне тоже пора.

— Извини за эту заминку.

— Все в порядке, даже вспомнил свои двадцать лет, — я почти не соврал. Хотелось бы мне вновь окунуться в то время, когда от тебя никто не ждет ничего серьезного, когда ты живешь и только учишься быть кем-то, кроме тени своих родителей.

— Понимаю, с содроганием жду взросление сына, потому что с Эмили мы прошли и огонь, и воду.

— Могу пожелать только терпения, — потому что его у меня оказалось в избытке, иначе эта самая прекрасная Эмили уже давно оказалась бы на моем члене.

Черт.

— Ты придешь на презентацию один? — перевел тему Александр, подхватывая с небольшого комода конверт с приглашениями.

— Может быть, со мной будет сопровождение. Точно придет сестра и ее жених.

— Поставлю тебе плюс один, — Александр написал что-

то на черно-золотом билете, отдал мне конверт, и мы попрощались.

Я спешно нырнул в лифт и, все то время, что он спускался на первый этаж, думал о словах Эмили.

Что это было?

И когда я сел в машину, я сделал то, чего поклялся себе никогда не делать. Позвонил одному знакомому и попросил достать ее номер.

Глава 4. Эмили

Мадлен стояла на крыльце небольшого особняка, кутаясь в вязаный кардиган, ее темные локоны свисали у лица, а карие глаза обеспокоенно наблюдали за мной.

Солнце уже зашло за горизонт, и темноту улицы освещали редкие фонари. Я вышла из машины, поежившись от прохладного ветра, и направилась к подруге. По правде говоря, я не знала, зачем приехала, что хотела сказать. Уж точно не собиралась рассказывать про Энзо и все эти двусмысленные вещи, которые между нами происходят. Нет уж. О нем я говорить точно не хотела.

— Что-то случилось? — Мадлен притянула меня в объятия. Она была из тех немногих подруг, которым я доверяла. Хотя... доверяла я только ей. И то только потому, что знала, что Мадлен не станет осуждать. Кто угодно, но только не она. Не после того, что ей пришлось пережить. Но Энзо Моретти навеки останется секретом, о котором буду знать только я. Энзо Моретти навеки останется моим соблазном, искушением и грехопадением.

— Не знала, к кому еще могу прийти, — уклончиво отозвалась я, обхватывая себя за плечи. Мади больше ничего не сказала, только провела меня в дом.

— Идем на чердак?

— Может быть, сегодня остановимся на женских посидел-

ках с вином и обсуждением козлов? — я умоляюще уставилась на подругу.

— Похоже, дело совсем плохо, — отвратительно, но в ответ я сказала совсем другое.

— Не так, как ты могла себе представить.

Мадлен двинулась глубже в дом, мы прошли гостиную, лестницу на второй этаж и остановились на кухне с выходом на задний двор.

Дом Мадлен и ее мужа — Дэмиана, представлял собой небольшой двухэтажный особняк в минималистичном стиле с ровными колоннами в проходах между комнатами. «Небольшой» — это, конечно, по сравнению с родовым поместьем Дэмиана за городом. На самом же деле, здесь было около пяти спален, три ванные комнаты, огромная гостиная, кухня с панорамными окнами и чердак, на котором мы с Мадди устроили кинотеатр. Дэмиан часто ругался на нас из-за этого, но, увы, его никто не слушал. Он хорошо общался с моим отцом, поэтому и выгнать меня не мог, а я нагло пользовалась положением.

— Рассказывай, — проговорила Мадлен, когда мы оказались на кухне. Я залезла на высокий барный стул, она достала два бокала на высокой ножке, разлила по ним белое вино и уселась рядом со мной. Я прокрутила бокал в пальцах, отпила вино, слегка поморщилась. Никогда не любила сухое вино, а Мадлен была его фанаткой.

— Особо нечего рассказывать, — пожала плечами я, де-

лая еще один глоток.

— Ты даже пьешь, не чокаясь, Эми, — усмехнулась Мадлен. — Алан снова накосячил?

Точно. Алан. У меня ведь все еще есть парень. Если его, конечно, можно так назвать. После того случайного секса, мы ни разу не повторили его *неслучайно*.

— Это отдельная история, — я отпила еще вина, почему-то организм все никак не хотел пьянеть. В кои-то веки мне хотелось расслабиться, не думать, не переживать и не сдерживать себя. Да, сдерживать особенно не хотелось. Черт возьми, почему я не могла просто поддаться своим желаниям? Почему не могла переступить через эту идиотскую черту и сделать то, чего хотела?

А чего я хотела?

Я выдохнула.

— Как ты поняла, что Дэмиан — тот самый мужчина, который заслуживает того, чтобы быть твоим мужем? — вдруг спросила я, кажется, все же опьянев. Мадлен удивилась моему вопросу, сделала глоток из бокала и сложила руки в замок.

— Это просто случилось и все. Мы многое потеряли, живя в ненависти на весь мир и друг на друга, три года провели порознь. Я с другим именем, он — с женой. Да и до этого наша история не тянула на любовный роман, скорее, на психологический триллер³. Не знаю, что у тебя случилось, но

³ Речь о книге «На грани» Кэтрин Болфинч

люди любят все усложнять, Эми. Любят находить ненависть там, где ее нет. Любят драму и падают в чувства ради нее. Большинство из нас не умеет любить без тяжести, потому что уверены, что вся любовь должна пройти через боль, труд и слезы, но на самом деле, нет. Только сейчас я это понимаю. И только сейчас понимаю, что у каждого свой путь, — она устало вздохнула, вздрогнула, будто воспоминания причиняли боль, но все же продолжила говорить, а уже пожалела, что спросила. — Нам с Дэмианом нелегко пришлось, но... когда ты узнаешь человека с худших сторон и не отворачиваешься от него это многое значит. Мы прошли через предательство и ненависть, через спасение и отчаяние, и пока не выплыли к свету, ничего не выходило. Но, думаю, это не твой случай, верно? — Мадлен мягко улыбнулась, как умела только она, и повернулась ко мне.

— Спасибо, что рассказала, — я накрыла ее ладонь своей. Мадлен была старше меня на пять лет, а мудростью превосходила на все десять. И я знала, что она стала такой не от хорошей жизни.

Люди любят все усложнять.

Что, если в этом и заключался смысл человеческой натуры?

— Недавно я поцеловала Алана на приеме, где находилась целая толпа гостей и мои родителей, а потом поняла, что совсем не готова к тому, чтобы о нас кто-то узнал. И теперь не знаю, стоит ли это того, чтобы отказывать себе в удоволь-

ствии с каким-нибудь красавчиком, — конечно, я не имела в виду Энзо Мореtti. Никого не имела в виду. И даже не думала об этом.

— Или есть кто-то, кто заставил тебя сомневаться в своем выборе? — Мадлен шутливо толкнула меня локтем в бок, прищурила глаза, рассматривая мое лицо, на котором, скорее всего, уже был написан ответ.

Да.

Нет.

— Конечно, нет! — воскликнула я и вцепилась в опустевший бокал, надеясь, что Мадлен не придавала значения моим покрасневшим щекам.

— Если «да» с сомнениями, то это «нет». К тому же, ты слишком молода, чтобы вешать на себя обязательства и приличия.

— Ну да, ты точно знаешь, о чем говоришь, — хмыкнул мужской голос. Мы почти синхронно повернули головы в сторону двери, где замер Дэмиан. Он, как обычно, ехидно прищурился, глядя на нас. Я была почти уверена, что сейчас Мадлен закатила глаза.

— Кто бы говорил, — шикнула она, подтягивая ближе к себе бутылку с вином, которая оказалась пуста. Дэмиан покачал головой и, пройдя в кухню, достал из барного шкафчика виски и колу.

— Твои запасы вина закончились в прошлый день Благодарения, — оповестил мужчину, разливая виски по трем

хрустальным стаканам.

— Вот знаешь, прошло столько лет, а ты все равно раздражаешь каждую мою нервную клетку!

— Да, именно поэтому ты поклялась мне в вечной любви и верности у алтаря, — насмешливо проговорил Дэмиан, опуская перед нами виски.

Мадлен и Дэмиан походили на два магнита, которые никак не могли притянуться, но почему-то всегда находились в поле друг друга. Они играли на острие ножа: ненависть — любовь, любовь — ненависть. Почему-то иногда мне казалось, что они никогда не должны были быть вместе, но судьба или любовь или кто-то там еще оказались сильнее. И вместе с этим почему-то в моем понимании не существовало ничего более правильного, чем они вместе. Их препирательства, ехидства, шутки — все это принадлежало им двоим, миру, в котором существовали только они. И, как и сказала Мадлен, им пришлось через многое пройти, чтобы перестать бежать друг от друга и остановиться где-то в Нью-Йорке в просторном особняке.

— Ну вот, Эмили снова улетела в свои мысли. Это все из-за тебя! — нарочито громко заявила Мадлен. Дэмиан забрался на высокий стул напротив жены.

— Просто ты утомила ее своей философией жизни.

— Конечно, Дэм, ведь твоя философия намного поэтичнее, — мило улыбнулась я, зная, что он ненавидел, когда его имя так сокращали.

— О да, однажды Дэмиан сказал мне: *«Когда на твоих плечах ответственность, иногда лучшее, что ты можешь сделать — это подчиниться времени и идти вперед⁴»*.

— Дэмиан, в тебе пропадает поэт.

— Сейчас я придерживаюсь мнения: не нравится — не делай, не общайся и так далее.

— Я запишу это, — рассмеялась я, отпивая виски. Дэмиан был старше меня почти в два раза, но почему-то, когда мы оказывались вдвоем, границы стирались, а эта разница не чувствовалась. Их разница в возрасте с Мадлен составляла около десяти, а может, и больше, лет, но они всегда смотрелись, словно ровесники. Между ними не чувствовалось напряжения или неправильности, какой-то возрастной пропасти. Они просто выбрали друг друга, потому что хотели этого.

— Вообще-то это полезный совет, Эмили. Чем раньше научишься слышать себя, тем быстрее станешь жить в кайф, — деланно заметил мужчина, подлив янтарной жидкости в наши стаканы. И, кажется, это стало ошибкой, потому что у меня никогда не было иммунитета к алкоголю, как у папы или всех тех, кто приходил на его приемы. Мадлен и Дэмиан и вовсе выглядели трезвыми, а я чувствовала себя так, будто осушила половину бочек с производства отца.

Иногда мне хотелось хорошенько себя ударить. Я ведь не ела ничего, кроме шоколадного батончика у Сэмми, и сейчас

⁴ Цитата из продолжения книги «На грани» - «Найди меня заново»

выпила несколько бокалов на голодный желудок. Наутро мне точно станет нехорошо.

— Кажется, вам придется играть в заботливых родителей, детки, — икнула я, наблюдая за тем, как лицо Дэмиана становится мрачнее, а Мадлен едва сдерживает смех. Конечно, это не впервые.

Иногда мы с Мадлен задерживались на чердаке, опустошали ее бар или пили то, что приносила я, а потом Дэмиан буквально выпроваживал меня из дома, буквально закидывал в свой внедорожник и передавал в руки моему отцу. Сдается мне, именно из-за этого они и стали лучше общаться.

Телефон звякнул, я вытащила его из кармана джинс и глянула экран. Сообщение от Алана.

«Думаю, нам нужно все обсудить, Эм. Я повел себя неправильно».

Я поморщилась и сунула телефон обратно. Я еще не знала, что именно хотела ему сказать.

— Когда-нибудь я перестану пускать тебя на порог дома, Эмили, — тяжело вздохнул Дэмиан, устало взглянул на меня и перевел взгляд на Мадлен. — Напомни в следующий раз не наливать ей виски.

— Пора было это запомнить.

— С чего бы?

— Новый год, мой день рождения, летняя посиделка в Хэмптоне... — Мадлен притворно задумалась.

— Ладно, я понял.

— Не так уж и часто вам приходится увозить меня домой,
— возмутилась я, сползая со стула и направляясь в коридор.
— Да, я всего лишь чувствую себя твоим водителем, —
отозвался Дэмиан, пропуская Мадлен следом за мной.

Я ожидала, что на меня вновь обрушатся нравоучения, рассказы о том, как должна себя вести дочь уважаемого человека и все прочее, но отец открыл дверь и молча уставился на нас. Казалось, слова разом покинули его голову. И мою тоже.

Я вглядывалась в его лицо, стараясь понять, в чем дело, но так и не нашла ответа. Пока не посмотрела за его спину...

Признаться, я была уверена, что это галлюцинация.

В коридоре нашей квартиры стоял Энзо Моретти. И, черт возьми, он смотрел прямо на меня.

Мне почему-то стало неловко из-за того, в каком виде я пришла домой. Какого хрена я вообще об этом думала? С каких пор меня волнует чужое мнение?

Он просто партнер отца. Да, именно поэтому. Я — угроза для репутации всей семьи.

Я моргнула, отвлекаясь от Энзо, отстранилась от Дэмиана, который поддерживал меня, и обняла Мадлен на прощание.

— Спасибо за вечер, Мади, — прошептала я и повернулась к отцу. — Прошу, не сейчас, — и не дожидаясь, пока папа придумает ответ, прошла мимо. Последнее, чего мне

хотелось — выяснять, какая я плохая дочь, когда в нашем доме находилось столько гостей. Ладно, когда в нашем доме находился он.

Я была готова проклясть того, кто придумал алкоголь, потому что он придал мне смелости. Смелости, наконец, заглянуть в его глаза. Хоть я и знала, что утону в них.

Каждый шаг, что приближал меня к *нему*, отдавался гулкими ударами сердца о грудную клетку, ноги становились все тяжелее и тяжелее, словно наливались свинцом. Дыхание застревало где-то в горле. Голова закружилась, и я бы уже не смогла точно сказать — алкоголь это или недостаток кислорода.

Черт побери, что я делала?

Поздно отступать.

Я всегда доводила дела до конца. И сейчас собиралась поставить точку там, где даже ничего не началось.

Я остановилась напротив Энзо, вскинула подбородок, будто это ничего не значило, будто мое тело не покрылось мурашками, будто оно не требовало встать еще ближе к нему, будто не желало его прикосновений.

Оно не желало. Оно жаждало. До боли. До крови. До стиснутых до скрежета зубов и оставшихся на ладонях следов от ногтей.

Ты не станешь моей зависимостью, Энзо Моретти. Не станешь моей слабостью и моим падением.

Его карие глаза пробежались по моему лицу, задержались

на губах, вернулись к глазам. Немой диалог, касания без рук и обещания без слов.

— Оставьте мои мысли, мистер Моретти, — прошептала я, зная, что я не поддамся слабости, не подойду ближе, не опущу ладони на его плечи и не коснусь его губ своими.

И я просто ушла, оставляя позади свой соблазн, рассерженного отца и внимательную подругу, которая не спускала с меня взгляда все это время.

Я остановилась за углом на лестнице, прислушиваясь к разговору внизу.

Отец, как обычно, извинялся за мое неправильное поведение. А Энзо, как гребанный рыцарь, всего лишь вспомнил свою молодость. Сколько ему? Вечность?

— Ты придешь на презентацию один? — спросил отец, я подкралась ближе к лестнице, жадно вслушиваясь в каждый шорох. Мне нужно услышать его ответ.

— Может быть, со мной будет сопровождение. Точно придет сестра и ее жених.

— Поставлю тебе плюс один, — ну, конечно, у него кто-то есть. С чего я решила, что я — центр вселенной?

Черт! Теперь я чувствовала себя идиоткой. И жалела о том, что вообще решила подслушать их разговор, поэтому убежала в свою комнату. Она встретила прохладой из-за открытого окна и темнотой.

Я включила ночник на тумбочке и прямо в одежде легла на кровать. Не день, а какая-то череда случайностей.

Скорее бы он вернулся в Италию и больше никогда не приезжал в Нью-Йорк.

Я выдохнула, спрятала лицо в ладонях и тихо застонала.

Ладно, все равно этого уже не изменить. Плевать. Вряд ли после моих слов что-то изменится. Хотя, может быть, он наконец-то перестанет прожигать меня взглядом как ненормальный.

Почему-то растерянный вид Энзо после моих слов не хотел покидать мысли. Неужели он так сильно удивился? Принял меня за идиотку, которая пытается его подцепить? Или за пьяницу? Я даже не знала, что из этого лучше.

Он идет на презентацию папы с девушкой. И на выставку украшений, скорее всего, тоже придет с ней.

С его девушкой.

Мне нужно выкинуть Энзо Моретти из головы. Любым способом. Но когда Алан позвонил мне, я сбросила вызов и выключила телефон.

Сквозь толщу сна явно пытался пробиться чей-то голос. Вот только мне не хотелось просыпаться. Было хорошо в теплом, выдуманном мире, в котором не нужно беспокоиться из-за лишних глотков виски. Но настойчивый высокий голос не оставил мне даже малейшего шанса.

— Мими! — все повторял и повторял голос. — Мими, просыпайся. Неужели ты собралась весь день проспять?

Пусть это и выходной, но пора вставать, — одеяло безбожно отобрали, прохлада тут же коснулась ног и устремила вверх по телу. — Мими! — так меня звали только родители. Я с трудом открыла глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд на размытой фигуре около кровати. — Голова, наверное, раскалывается, принесла тебе аспирин. Приводи себя в порядок и спускайся, твой отец заказал китайскую еду на обед.

— Оставьте меня, — пробурчала я, прикрыв глаза. Свет из окна казался слишком ярким, почти ослеплял.

— Твоя бабушка, конечно, осталась бы довольна, если бы узнала, что ты умеешь веселиться, но ее здесь нет, так что вставай! — признаться честно, я ни разу не видела свою бабушку. Слышала про нее только из рассказов мамы и редких колкостей отца. Вроде бы она осталась в России, когда моим родителям пришлось бежать. Что произошло с ней потом, мне не рассказывали, да и я не спрашивала, потому что боялась услышать ответ.

Сегодня я стала еще на один шаг ближе к тому, чтобы проклясть того, кто придумал виски. И ведь это я еще не начала обдумывать все, что натворила вчера.

Я потянулась к тумбочке, схватила таблетку и стакан с водой, надеясь, что она поможет в ближайшие несколько минут, и поплелась в душ. И почему мне просто не дали проспать до вечера? Может быть, мне и для счастья большего не надо.

Вот только ни душ, ни таблетка не помогли, и мне при-

шлось спуститься на кухню с головной болью в мрачном ожидании воспитательной беседы. Всем в моей семье было плевать, что я достигла совершеннолетия. Родители лучше знали, как мне жить *мою* жизнь. Хотя я бы не назвала их тиранами. Дальше разговоров дело никогда не заходило.

Папа, надев очки, сидел за столом с планшетом в руках. Мама раскладывала еду по тарелкам — она никогда не любила есть из тех картонных коробок, в которых приносили еду.

— Доброе утро, — проговорила я, тихо опустилась на стул напротив папы и уставилась на него.

— Доброе утро, хотя уже обед, — отозвался папа и уткнулся в планшет.

Кажется, мой отец в совершенстве освоил искусство пыток без боли. Все то время, что он просто что-то внимательно читал в планшете, иногда сдвигая брови к переносице, я думала о том, когда же я услышу те заветные слова «ты не должна была так поступать». Но минуты проходили, мама ставила на стол все больше тарелок, а он молчал. Я даже почувствовала себя подростком, который впервые пришел домой пьяным.

— Я жду, — сдалась я, устало опустив подбородок на сцепленные в замок руки. Папа глянул на меня поверх очков.

— Денег дать?

— Причем тут деньги! — возмутилась я. — А как же воспитательная беседа насчет пьянства?

— А, ты об этом, — он отложил планшет в сторону и деловито сложил руки на груди. — Я тут подумал, почему-то каждая твоя такая выходка сближает меня с партнерами. Вуда я вполне могу назвать другом, Моретти вчера был немного удивлен, но не думаю, что его что-то смутило, а еще одному понравилось то, что ты однажды привела его сына домой, — папа едва не загибал пальцы, перечисляя ситуации, когда я возвращалась не совсем трезвой. А я думала об Энзо. Еще бы его что-то смутило. Одно мое слово, и он лишился бы головы.

— То есть я могу просить процент со сделок? — как бы невзначай уточнила я, складывая хлопковую салфетку на коленях. Папа усмехнулся, качнув головой.

— А я переживал, что будет с компанией, когда меня не станет. Оказывается, под боком выросла настоящая акула.

— Тебе еще рано об этом думать, — мягко произнесла мама, садясь за стол.

— От этого никто не застрахован, а уж я тем более, — сказал он, и после этих слов за столом повисла мрачная атмосфера. Я не знала всей истории своей семьи, но знала, что в двухтысячных папа ввязался в какой-то бизнес, его предал кто-то из своих, и им с мамой, которая на тот момент оказалась беременной, пришлось бежать на другой континент. Здесь дела пошли лучше, папа основал несколько фирм, вел теневой бизнес и в итоге занялся производством алкоголя.

От меня никогда не скрывалась незаконность его дел. Как

не скрывалась принадлежность всех тех, кто приходил к нам домой, к темной стороне этого мира. Я знала, что среди них были убийцы, воры и мошенники, но почему-то такое общество казалось мне *обычным*. И Энзо Моретти тоже принадлежал этому миру.

Я выдохнула и принялась за китайскую лапшу, мельком поглядывая на родителей. Маме не нравилось, когда отец начинал говорить о смерти. Она всегда замолкала и уходила в себя. Может быть, поэтому ей было так тяжело принять то, что происходило с Сэмми.

Я задумалась и даже не сразу заметила то, что экран телефона загорелся, показывая новое сообщение. И только когда родители с немым вопросом посмотрели на меня, я очнулась. Сообщение с неизвестного номера.

«Как ваши мысли, мисс Лисовски?»

Я чувствовала, как лицо стремительно покрывается краской, а под взглядами родителей и вовсе начинает гореть. И гадалкой быть не нужно, чтобы понять, *кто* это написал. К тому же, в мессенджере было фото.

Черт возьми.

— Что-то случилось? — папа прищурился, наблюдая за тем, как я быстро заблокировала телефон. Я отрицательно качнула головой и потянулась за водой.

— Слишком остро.

Конечно, они понимали, что это ложь. Особенно видя, как я запихивала в себя еду, желая поскорее оказаться с теле-

фоном и загадочным сообщением наедине. Меня буквально разрывало любопытство и все остальные чувства.

Может быть, я бы даже передумала проклинать того, кто придумал алкоголь.

И когда я, поблагодарив родителей, убежала в комнату и открыла мессенджер, мне показалось, что ноги вовсе перестанут меня держать. Пришлось прислониться спиной к двери.

Какого хрена?

«Как ваши мысли, мисс Лисовски?»

С его помощью я точно сойду с ума. И как же сильно мне хотелось написать что-то в таком духе, но вместо этого получилось приличное и удивленное:

«Откуда у вас мой номер?»

Я выдохнула, стукнувшись затылком о холодное дерево, и прижала телефон к груди, будто это могло успокоить бушующее сердце.

Уведомление о новом сообщении пришло почти сразу, будто он все это время не выпускал телефон из рук.

«Разве это проблема? Если будет нужно, я могу найти даже размер вашей одежды».

От волнения пришлось закусить губу. Я ощущала себя школьницей, на которую впервые обратил внимание одноклассник. Всего несколько сообщений, а мое сердце готовилось выпрыгнуть из груди от удовольствия и наслаждения, упасть ему под ноги и молить о прикосновениях и более от-

кровенных вещах, чем размер одежды. Но вместо того, чтобы поддаться своему искушению, отправила сообщение:

«Я всегда знала, что вы извращенец, но чтобы открыто в этом признаться... я даже разочарована, мистер Моретти. Мои мысли в порядке. Безумие мне не грозит, но не могу сказать такого о вас».

И добавила Энзо Моретти в черный список.

Глава 5. Энзо

Мин-Юнь расслабила узел моего галстука, а затем и вовсе стянула его. Ее тонкие, проворные пальчики опустились на пуговицы рубашки и расстегнули четыре сверху. Я задержал дыхание, пытаясь не дышать удушающе-сладким парфюмом. Мин-Юнь, как назло, подавалась лишь ближе, словно хотела за что-то отомстить или наказать.

— Напомни, почему мы не встретились уже на месте? — поинтересовался я, забирая из ее рук галстук и отходя на несколько шагов назад. Дышать стало проще.

Она сложила руки на груди, прищурилась, оглядывая результат своей работы — Мин-Юнь приехала на полтора часа раньше и вместо того, чтобы заняться чем-то более интересным, решила поколдовать над моей одеждой.

— Да, так определенно лучше, — кивнула она своим мыслям и только после этого посмотрела мне в глаза. — Потому что я вдруг вспомнила, что тебе нельзя доверять часть с одеждой, — фыркнула Мин-Юнь, подхватывая со столика бокал с шампанским.

— А по-моему я выглядел неплохо, — отозвался я, опускаясь в кресло. Она мариновала меня добрых полчаса — заставила поменять рубашку, галстук, затем все сначала, чтобы в итоге прийти к варианту, в котором я хожу каждый день. — Сама сказала «не забудь костюм».

— В костюме ты выглядишь слишком галантным, — Мин-Юнь подошла ближе, заигрываяще провела пальцами по моему плечу и наклонилась к моему лицу. — Мне больше нравится, когда ты выглядишь... — она замолчала, подбирая слова, а я сцепил ладони на тонкой талии и усадил девушку к себе на колени. Мин-Юнь не сопротивлялась, машинально обхватила меня за шею.

— И как тебе нравится? — голос стал вкрадчивым. Мне действительно стало интересно, каким она меня видела. Какой он — Энзо Моретти — в глазах наемницы? Какой он — Энзо Моретти — в глазах девушки?

— Так, будто только что выбрался из постели после лучшей ночи в жизни. Так, будто готов сорвать свою чертову рубашку, броситься на меня и прижать прямо к полу, — тихо отозвалась она, но вместо поцелуя моего лица коснулся грустный взгляд. — Ты давно не смотрел так на меня, — Мин-Юнь поднялась с моих колен, одернула короткую юбку и поправила волосы.

Я опешил. Правильнее сказать, охренел. Мы никогда не были друг с другом откровенны, никогда не обсуждали редкие ночные встречи и больше говорили о делах. И ее слова буквально прозвучали, как гром среди ясного неба.

Мне нужно выпить.

Я не стал себе в этом отказывать — лениво поднялся с кресла, добрал до шкафчика с баром, налил виски в стакан и залпом опрокинул в себя.

Мин-Юнь все это время молча глядела в окно, кажется, понимая, что сказала что-то не то.

Черт, мы даже никогда не договаривались о встречах, сексе или каком-то определенном виде отношений.

— Мин-Юнь, — начал я, остановившись позади девушки. Она качнула головой.

— Я сказала самую тупую вещь в мире, — ее голос редко звучал так резко и отстраненно, и я на миг даже подумал, что она позволила себе то, от чего когда-то поклялась держаться подальше. Банальная, такая человеческая и такая неподходящая для Мин-Юнь — привязанность. Всем казалось, что она высечена из камня или стали, как те клинки, с которыми Мин-Юнь ходила на дело. Я был в числе этих «всех». Но сейчас девушка казалась чертовски уязвимой, и я знал, что она легко убила бы меня за сочувствие и тем более жалость, поэтому просто отошел в сторону и налил себе еще виски.

Мы никогда не копались в прошлом друг друга, но я знал, что ее растила бабушка в какой-то китайской провинции, потом Мин-Юнь оказалась в приюте на севере России, а оттуда сбежала в штаты. Она не горела желанием рассказывать, как и в какой из стран встала на сторону противоположную от закона, как и не хотела рассказывать о том, кто ее настоящие родители. Возможно, просто не знала. Я не настаивал и копать в ее душе не собирался. Наши отношения, если это можно так назвать, ограничивались бизнесом и общей кровью на руках.

— Не думаю, что нам стоит продолжать... — спустя какое-то проговорила Мин-Юнь, неопределенно взмахнув рукой. Ее голос уже звучал ровно, а спина снова казалась неестественно прямой. — Чем бы это ни было.

Я согласно кивнул, подливая еще янтарной жидкости в бокал и не совсем понимая, на что именно я соглашался — прекратить наши редкие встречи или этот разговор. Но не уточнил — одна из дверей в гостиную открылась, и из комнаты показалась Анита в алом платье.

Вот хрень. Я и забыл, что они дома. Наверняка, грели уши у двери, а потом, когда мы снова окажемся втроем, начнут промывать мне мозги насчет отношений и секса.

И почему всех так волнует мой секс?

Сестра скривилась, увидев Мин-Юнь, и посмотрела на меня так, будто я успел сделать что-то не так.

— Ты решил надраться еще до начала выставки? — спросила Анита, складывая руки на груди.

Теперь понятно, что я сделал не так.

— По-моему, отличная идея, — я отсалютовал ей стаканом. Энни закатила глаза. Она слишком часто так делала. Особенно в присутствии Мин-Юнь. Не знаю, почему, но они на дух друг друга не переносили. Алессио как-то сказал, что это почти то же самое, что загнать двух пантер в одну клетку — подерутся за территорию. Но, если честно, я так и не понял смысл. Мне было плевать — пантеры они, уличные кошки или высокомерные девицы — главное, чтобы не ссори-

лись у меня под носом. Мне хватало войн. И дома я их точно не хотел. Сестра знала это, поэтому придерживалась тактики холодной войны, Мин-Юнь тоже, а меня все устраивало. В конце концов, все понимали, что я никогда не женюсь.

— Водитель будет через двадцать минут, — разорвав тишину, из комнаты вышел Алессио, как обычно, глядя в экран телефона.

Алессио редко можно было увидеть без телефона и Ани-ты. С тех пор, как они получили мое благословение, друг от друга не отлипают, будто у них каждый день сраный медо-вый месяц.

Меня это не бесило. Но здорово нервировало. Чтобы докричаться до кого-нибудь из них, иногда требовалось несколько минут. И я даже устал шутить на тему кроликов и прочей фигни.

Я выдохнул и осушил свой бокал до дна. Меня ждала самая интересная часть вечера. По крайней мере потому, что там будет *она*. Девчонка, которая добавила меня в черный список.

И это первая девушка, которой удалось удивить гребаного Энзо Моретти. Так удивить, что от ее стервозности я даже возбудился, как какой-то сопливый придурок.

Я подлил себе еще виски.

Вечер обещал быть томным.

In Love with Madness — Deborah Williams

Мы торчали здесь уже полчаса. Рука начала болеть от частых рукопожатий, а щеки от притворных улыбок, которыми все здесь друг друга осыпали. Впрочем, плевать. Как плевать и на украшения, которые Мин-Юнь с жадностью оглядывала. Почему-то внутри теплилась уверенность в том, что в ее декольте сегодня появится пара камушков или браслетов. Мне же на брюлики и ветхие цацки было все равно. Да, красиво, но не так красиво, чтобы пялиться на них несколько часов подряд. И нет, я не относил себя к каким-нибудь неотесанным и необразованным бандитам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.